

A black and white close-up portrait of a woman with dark, curly hair. She is looking directly at the camera with a slight smile. Her right hand is raised, with her fingers resting against her chin and cheek. The lighting is dramatic, with strong shadows on the right side of her face.

Алла Макаревич

*Весь мир –
в обещанье*

Алла Макаревич

Весь мир – в обещанье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8329643

ISBN 9785447401658

Аннотация

Поэзия Аллы Макаревич относится к шестидесятым – восьмидесятым годам XX века. По признанию профессионалов, Алла Макаревич – большой поэт, затерявшийся в безвременье застоя.

Содержание

Не предвкушая торжества	5
Если бог есть	6
Ах, поэты, не о том вы	7
О нет, не сказка и не чудо	9
Семейный альбом	10
Вступление	10
Фотография первая. Дед	11
Фотография вторая. Бабушка	13
Фотография третья. Отец	14
Фотография четвертая. Мать	17
Фотография пятая. Друзья дома	19
Фотография шестая. Бабушка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Весь мир – в обещанье

Алла Макаревич

Редактор Наталья Коноплева

Оцифровка стихов Елена Ткаченко

Дизайнер обложки Наталья Коноплева

Сооставители Наталья Коноплева, Инна Макаревич

© Алла Макаревич, 2019

© Наталья Коноплева, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-0165-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*

«...Моим стихам,
как драгоценным винам,
Настанет свой черед».

Марина Цветаева

Не предвкушая торжества

Не предвкушая торжества,
живу под властью знаков странных.
И точные ищущу слова
для выраженья снов туманных.

В безумных будней чехарду
спешу внести закономерность.
И краски яркие кладу
на жизни бледную поверхность.

Бегу. Но некуда уйти,
непоправимо виноватой
во власти ломких сонатин
неумолимого стаккато!

Мир – в снегопадах и грозе!
А прозу – оставляю дома,
предвидя критику друзей
и любознательных знакомых.

26 октября 1980

Если бог есть

Если бог есть – так, верно, от бога!
(От кого ж ещё милостей ждём?)
По каким нас пронесит дорогам!
И каким заливает дождём!

И какие высокие травы!
Берег озера, данного нам...
...По какому веселому праву
Я к тебе прихожу по утрам?

Если чёрт есть – так, верно, от чёрта
Петербургский безумный июль!
Очертанья домов полустёрты —
Только радуга, руки и руль!

И, как в детстве, весь мир – в обещанье!
И, как в юности, жизни не жаль!
И, как взрослым, не нужно прощанья! —
Растворился в июле февраль.

август 1977

Ах, поэты, не о том вы

Ах, поэты, не о том вы, не о том:
всё о небе, о берёзе над прудом.
Или о погибших в Ту Войну.
Вот и я сейчас травить начну...

... Части разгружаются на фронт,
Над Москвой – в ракетах горизонт.
Командиры в кожанках. И вой
Злых сирен. За пленными – конвой.

Песни возвращавшихся с войны..
... Будто за Историю Страны
Не бывало пострашней Времён,
не пылало потемней знамён,

не лежали во земле сырой
Воинства, прошедшие сквозь строй.
Не стояли черные пруды,
Мёртвой русской полные воды.

Не лежали жёлтые пески,
Мёртвой русской полные тоски.

Не молчала белая тайга,

Пол-России положив в снега.

март 1979

О нет, не сказка и не чудо

О нет, не сказка и не чудо:
день будто тот же, что вчера.
Но возникает ниоткуда
двух слов случайная игра.

И показалось мне, что ночи
нельзя оставить фонарям,
что по ступеням многоточий
легко подняться в древний храм.

И показалось мне, что утро
само собой отринет зло,
и дни распишут по минутам,
как нам волшеббно повезло...

...А вечер музыкой трамвая
ласкает лица на ветру,
моей судьбой не называя
двух слов случайную игру.

август 1977

Семейный альбом Цикл стихотворений из восьми фотографий

Вступление

Высокий мир старинных фотографий
ненарушим и важен, как мечта.

Я слова вымолвить не вправе.
Ночь коротка.
И жизнь проста.

Пустые хлопоты и скорая разлука.
И четырех дорог рассветный крест.

Над каменными снами переулка
Владимирский трамвайный благовест.

октябрь 1977

Фотография первая. Дед

1890-е годы

*Посвящается жертвам разгрома
польского восстания.*

Погублена Польша.
Но это – еще не конец!
Огромна Россия.
Пространства ее беспредельны!
Покончено с прошлым.
Свистит петербургский свинец
на белой равнине,
под небом глухим и метельным.

Российская каторга
будет: земля и судьба —
по общим могилам,
набитым за общее дело...
Но в серых глазах
под покровом высокого лба —
нет, Польша еще не сгинела!
Еще не сгинела!

Спустя бесконечность
сожженных, расстрелянных лет
ты неистребима —

бессмертья простая основа!
В тяжелом альбоме
темнеет овальный портрет,
где в вырезе губ
сохранилось
последнее Слово.

март-июль 1978

Фотография вторая. Бабушка

1900-е годы

Памяти Анны Д-ской

Непроницаемо лицо.
Чуть слышен шелест речи польской.
В глазах – дорога мертвецов
От Кракова и до Тобольска.

Бескровно губы сведены:
– Иисус Мария! Бог рассудит!
Но будут дети спасены.
И будут выведены в люди!

Она проводит их сама
В ту жизнь, где молча ждут известий:
– Побег. – Тюрьма.
– Побег. – Тюрьма.
И, может быть, расстрел на месте.

...Пока они все с ней. В живых.
Но век двадцатый начат рано.
На страшный век детей своих
Благослови, святая Анна!

декабрь 1977

Фотография третья. Отец

1920-е годы

Посвящается чекистам первого призыва

«А сзади, в зареве легенд,
Дурак, герой, интеллигент
Горел во славу темной силы».
Б. Пастернак. «Высокая болезнь»

Деревянные подмости.
Гимнастерки, сапоги.
Лица в ряд – бледнее воска:
всюду – тайные враги!

Взрывы, кражи и пожары!
Хлеб и пули – пополам!
...Комиссары, комиссары
по хохлацким хуторам,

по местечкам, селам, станам —
с Правдой, бьющейся в груди!
И с охраной при наганах —
слева, справа, позади!

И во времени том грозном,
под счастливую звездой

он стоит: такой серьезный,
всемогущий, молодой!

Жизнь не делится на части
И не ведает кривизн:
торжество Советской власти
означает коммунизм!

И пока еще не скоро —
через горы страшных лет
укрепленные заборы
скроют «зареве легенд».

Скроют тех, кто пел не с нами
Или просто так не пел,
тех, кто нес чужое знамя,
а уйти не захотел...

...Засверкает век парадов,
теплой крови чистоган!
Ни прощенья, ни пощады
нашим классовым врагам!

И спецы, и командармы
догниют в земле сырой.
Но построен будет самый
справедливый в мире строй!

...В дачный сумрак Подмосковья,

в летний яблоневый дым
черный ворон плюнет кровью:
и на этот раз – за ним.

На крыльце, сухом от зноя,
встанут трое:
– Поживей!
Он обнимется с женою.
Поцелует сыновей.

– Руки за спину!
– Ах, сволочи!
Мы же с вами!..
Желчь во рту.

И шагнет
с веранды – в полночь.
В книги.
В мифы.
В пустоту.

декабрь 1977

Фотография четвертая. Мать

1930-е годы

Посвящается

Ленинградской интеллигенции.

*«...секретарем редакции была Генриетта
Давыдовна, женщина необыкновенной красоты».*

И. А. Рахманов

Бесконечна под челкой летящей
Черных радуг старинная власть —
То ли в картах, разлуку хранящих.
То ли свита толпою пропащей
О столетья твои обожглась!

То ли в гордых, нелепых дуэлях,
Обезумев, считали шаги
В энном веке – твои менестрели,
В девятнадцатом – злые шинели
И в двадцатом – капризы пурги.

В Петербурге, в Москве, по России
Переметившей смертью дома...
...То ль в глазах твоих – карих и синих
Отражались, тонули, просили
И до срока сходили с ума.

Был твой смысл и непрост, и некороток:
Принимая и песню, и стон,
Ломкий почерк неожиданных находок,
Крупный почерк декретов и сводок,
Жирный почерк сплошных похорон.

И судьбы своей страшную ношу
Ты со всеми несла наравне.
Там, где нет – ни плохих, ни хороших,
Бог прикончен, и мир перекошен.

Ты оттуда вернулась – ко мне.

февраль-март 1978

Фотография пятая. Друзья дома

Конец 30-х годов

Интербригадовцам, вернувшимся в Россию

Гибли сотни – где и как попало.
Но летели, плыли, рвались в бой,
Чтоб страну под черным покрывалом
Защищать, как первую любовь!

Поднимали пестрый сброд в атаки,
Свято веря в миф о двух мирах.
И вели: беспомощные ЯКи —
Догорать в простреленных горах,
Газиков зеленые скорлупки —
Под Мадридом вспыхивать и тлеть!..

...Но в нелепой этой мясорубке
Вы сумели чудом уцелеть.
Чтобы выпить штоф Московской водки,
Помяная тех, кто воевал,
И мальчишкам подарив пилотки,
Загреметь на Северный Урал.

Даже эхом – не оставшись в доме!

Даже тенью – не тревожа глаз!

Только с фотографии в альбоме
Через сорок лет взглянуть на нас.

ноябрь 1977

Фотография шестая. Бабушка

1940-е годы

Посвящается семьям осужденных

Когда огромный мир родного дома
Свернется пачкой спрятанных бумаг
И как шагрень свернется круг знакомых

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.